

- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2003.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Федосеев Н.Ф. О времени существования Елизаветовского городища и Танаиса// Античный мир и археология. Саратов, 1990.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области // Вестник Харьковского университета. 1992. Вып. 25: «История». № 362.

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. БАРЧАНЫ

© 2006 г. И.Б. Шрамко, В.Л. Бондаренко, С.А. Задников
ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба», Харьков

Археологические раскопки древних поселений позволяют получить интересную и разноплановую информацию о различных сторонах жизни человека в древности. При этом особенно ярко вырисовывается картина хозяйственной деятельности людей. Как правило, самым массовыми находками при раскопках поселений являются керамика и кости животных. Последние являются важным источником для характеристики хозяйства местных племен.

При раскопках поселений скифского времени в бассейне Северского Донца также обнаружено большое количество костных останков животных. Однако в настоящее время они еще слабо изучены. Первые археозоологические наблюдения и выводы о животноводстве и охоте у населения Восточной Европы в раннем железном веке были сделаны учеными в середине прошлого столетия.

В 1951-1953 гг. в бассейне Северского Донца Б.А. Шрамко исследовал несколько зольников скифского времени у с. Островерховка. Автором раскопок вместе с проф. И.Б. Волчанецким и В.Л. Устиновой были сделаны первые определения полученного в результате работ археозоологического материала, установлено соотношение количества и видов домашних и диких животных (Шрамко, 1956. С. 63-64. Табл.1), но какие-либо широкие обобщения пока не были даны. Рассмотрев имеющиеся данные по палеозоологии Восточной Европы в скифское время, П.Д. Либеров определил состав стада животных в разных географических зонах и предположил, что значительное количество коней в стаде позволяет говорить о значительной роли кочевого скотоводства в жизни не только степных, но и лесостепных племен (Либеров, 1960. С. 128).

В связи с расширением источниковой базы, проведением археологических широкомасштабных работ в бассейне Северского Донца, прежде всего, в 1961-1964 гг. на Люботинском городище, представления о животноводстве и охоте в этом регионе несколько расширились (Шрамко, 1966. С.76; Цалкин, 1966. С. 100, прил. 6; Шрамко, 1998. С. 100-101). Исследователи установили состав стада домашних

животных, отметив преобладание в нем, прежде всего свиней и мелкого рогатого скота. Среди диких животных, служивших объектом охоты местного населения, особо выделялись дикий кабан, лисица, медведь и благородный олень. Домашнее животноводство представлялось придомным, а наличие костей коня среди пищевых отходов не являлось, по мнению ученых, доказательством существования кочевого скотоводства.

Основываясь на остеологическом материале из раскопок 59 памятников скифского времени (Цалкин, 1966), в том числе с поселений в бассейне Северского Донца, где проводили раскопки П.Д. Либеров, Б.А. Шрамко (городище у хутора Городище, городище Циркуны, сел. Шелковая, городище Караван и др.) В.И. Цалкин выделил основные виды домашних и диких животных, охарактеризовал условия их содержания, определил место каждого вида в жизни местного населения. Однако информативная возможность археозоологического материала не была реализована полностью.

Новые данные были получены экспедицией под руководством И.Б. Шрамко при раскопках поселения, расположенного в средней части мыса, между двумя глубокими балками, одна из которых является истоком р. Ревчик, левого притока реки Мерефа, впадающей в р. Мжу. Селище находится у с. Барчаны и было открыто 1986 г. краеведом А.О. Зорёй. Им же был составлен план памятника с нанесением основных зольных насыпей. Собранный на поверхности материал подтвердил, что зольники относятся к скифскому времени.

На одном из зольников (№ 1) летом 2002 года был заложен раскоп (Шрамко, 2003. С. 102-108) В ходе археологического исследования на небольшой площади (около 60 м²) были обнаружены погреб с деревянным перекрытием, а также большое количество предметов материальной культуры. Среди них обломки посуды местного производства, наконечники стрел, 16 панцирных пластинок, бронзовые и железные булавки, железные ножи, 2 фрагмента античных амфор (возможно один из которых отно-

сится к середине-третьей четверти VI в. до н.э.), а также многочисленные кости животных. В основном полученный в ходе археологических раскопок материал датируется в пределах V в до н.э. (Шрамко, 2003. С. 107-108).

В культурном слое и в хозяйственном комплексе было найдено 288 обломков костей различных животных. Коллекция представляет собой в различной степени раздробленные кости. Часть их имеет надрезы и зарубки, которые были оставлены при разделке туш животных. Ввиду отсутствия полных скелетов и разрозненности всей остеологической серии, видовой состав животных определялся по процентному соотношению костей. Что в достаточной степени точно показывает соотношение видов животных, которые использовались для пищевых целей. Следует учесть, что применительно к кухонным остаткам, предпочтителен статистический подсчет по костям, дающий более точные результаты по сравнению с подсчетом по особям. Подсчет же по особям, приемлем в работе с материалами из жертвенных комплексов, где компактность индивидуальных костяков дает более надежные результаты (Антипина, 2000. С. 80).

Следует заметить, что статистическая обработка данной серии по ряду параметров является предварительной. В дальнейшем необходимо провести анализ срезов зубов и костей, что даст более точные возрастные характеристики, а также количественно-видовой состав забиваемых животных по сезонам года¹.

В целом же, представляемый анализ костного материала² показывает количественно-видовое соотношение с/х животных на данном поселении.

Основное количество костей (98%) принадлежало домашним животным, таким как лошадь, корова, свинья, коза, овца. Совсем незначительную часть выборки (2%), представляют кости промысловых видов, таких как лось, дикий кабан, лисица, а также кости домашней собаки.

На многих костях заметны следы искусственной обработки - скобления, надрезы, следы рубки и расчленения по суставам. Характерна соразмерность разбитых костей, что вполне объяснимо, так как особо крупные кости не смогли бы поместиться в емкость для вываривания, к тому же, дополнительно в пищу мог использоваться костный мозг. Часть фрагментов крупных костей имеют следы обжаривания на открытом огне. На некоторых костях, на мягких эпифизарных частях, заметны следы зубов

как человека, так и собаки, (характерные следы резцов человека, которые присущи только ему).

Вполне вероятно в пищу употреблялась собака, так как на немногочисленных, но все же присутствующих костях (1%), заметны следы расчленения. В пищу собак употребляли и жители Люботинского городища (Шрамко, 1998).

Среди разбитых для употребления в пищу костей животных, одна принадлежит человеку и является верхним концом разрубленной бедренной кости со следами ее вычленения из тазобедренного сустава, что дает основание предположить вероятность акта каннибализма.

Необходимо также отметить, что большие артритом, хромые и малоподвижные животные, возможно не всегда, или не полностью употреблялись в пищу, поскольку на костях пораженных артритом особей присутствуют следы полного обугливания. Чего не отмечено на костях, которые были использованы в пищу, даже если они подвергались обжариванию, так как при этом подгорали только торцевые, огленные от мяса участки кости. Следы болезни отмечены на костях лошади, коровы и свиньи.

Рыболовство, в виду полного отсутствия рыбных костей в кухонных остатках, как промысел, значения, видимо, не имел, тем более что поселение находилось на мысу в истоках реки Ревчик и поэтому здесь отсутствует полноводная река, где можно было бы ловить рыбу. Представляется важным, что на соседнем Люботинском городище рыбы кости также не обнаружены (Шрамко, 1998. С. 102).

Исходя из видового и количественного состава костей, приоритетным занятием являлось скотоводство (крупный рогатый скот), 31% от общего количества костей. В равной степени наблюдается развитие коневодства (30%), причем процентное соотношение в сравнении с костями крупного рогатого скота, показывает, что молодых жеребят использовали в пищу вдвое чаще, чем молодых телат, что объяснимо, так как корова давала больше молочного продукта, чем кобылица и являлась большей ценностью, а быки были основной тягловой силой.

Третьим по значимости продуктом животноводства можно назвать домашнюю свинью 21% от общего количества костей. Вероятно, близлежащие лесные массивы, не могли обеспечить достаточной кормовой базы для развития мясного свиноводства.

Еще меньший процент от общего количества костей (14%), определены, как кости мелкого рогатого скота (козы и овцы), которые скорее использовались лишь в подсобных домашних хозяйствах в качестве дополнительного продукта³.

¹ Молодыми животными в данной серии считались особи в возрасте до 1,5 года. Взрослыми – от 1,5 года до 8 лет. Старыми – в возрасте угасания продуктивности, от 8 лет и старше. Эти критерии общеприняты и вполне применимы ко всем группам домашних животных.

² Археозоологическое определение костей проведено сотрудником Музея природы ХНУ В.Л. Бондаренко.

³ Кости МРС, определение которых до вида проблематично в связи с их состоянием, а также видовой схожестью, не дающей возможности определить точно, выделены в строку – коза и овца.

Преобладание костей крупного рогатого скота обычно характерно для земледельческих племён. Крупный рогатый скот также был необходим для распашки земли.

Также видимо в округе было достаточно пастбищ для выпаса скота и заготовки кормов на зиму. В общем же, по всей обработанной серии костей можно сделать вывод о том, что в данном районе население активно занималось животноводством, преимущественно коневодством и разведением крупного рогатого скота.

Полученные данные практически совпадают с материалами Люботинского городища, что объясня-

ется общим характером ведения хозяйства, традиционными для данной местности и одинаковыми природными условиями. Охота не являлась важным источником пропитания, а скорее дополнительным занятием. Это подтверждает совсем небольшой процент костей диких млекопитающих, найденных на поселении. Вполне вероятно в охоте не было особой необходимости ввиду того, что продукты животноводства вполне удовлетворяли основные потребности местного населения.

Список литературы

- Антипина Е.Е. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Скифы и Сарматы в V-III вв. до н.э. М., 2000
- Либеров П.Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. №53. М., 1960.
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА №53.М., 1960.
- Цалкин В.И. Древнее животноводство племён Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135. М., 1966.
- Шрамко Б.А. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островецьківи // Археологічні пам'ятки УРСР. Том № VI. К., 1956.
- Шрамко Б.А. Нові дані про господарство скіфської епохи // Вестник Харьковского университета. №17. Харьков, 1966.
- Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998.
- Шрамко И.Б. Исследование округа Люботинского городища // Археологічний літопис Лівобережної України. №2/2002-№1/2003. Полтава, 2003.

КНЯЖЕСКИЙ САРМАТСКИЙ КУРГАН НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 05-01-56103а/ц)

© 2006 г. А.П. Медведев, И.Е. Сафонов, Ю.П. Матвеев
Воронежский государственный университет, Воронеж

В древнем кургане у южной окраины г. Липецка в начале сентября 2005 г. экспедицией Воронежского госуниверситета открыто погребение сарматки высокого социального ранга. Курган сооружен на водоразделе Дона и Воронежа в эпоху бронзы и существенно досыпан после совершения впускного сарматского погребения. К началу раскопок он имел высоту 3,5 м при диаметре 40-45 м. Сарматское погребение находилось в большой прямоугольной яме размерами 5,2x3,5 м, ориентированной по линии юго-восток – северо-запад. Скорее всего, могила была перекрыта сверху накатом, поверх которого был уложен выкид из материковой глины. Захоронение оказалось почти начисто ограбленным, причем минимум дважды: через несколько лет после его совершения и в XVIII – XIX в. Древние грабители вытащили останки погребенной вместе с одеждой и дорогими украшениями наружу, поэтому в могиле никаких следов ее скелета не обнаружено. Они нанесли погребению непоправимый урон. Но и то, что осталось в могиле, вполне достаточно, чтобы

оценить уровень и культурную принадлежность захоронения. Уцелевшая часть его инвентаря весьма информативна и, прямо скажем, необычна не только для Верхнего Подонья, но и сарматской археологии в целом.

Судя по всему, здесь была погребена знатная сарматская женщина. На это прямо указывают куски румян двух цветов (пунцового и розового), а также состав уцелевшего инвентаря. В процессе расчистки заполнения могилы одной из первых находок оказалась бронзовое литое кольцо, украшенное литой же фигуркой горного козла. Аналогичные находки были сделаны В.П. Шиловым в сарматском погребении кургана № 2 Новоникольского могильника на Нижней Волге (Засецкая, 1979. Рис.14). На дне могилы расчищен тонкий настил из коры, на котором встречались остатки ткани с золотым узорчатым шитьем и тысячи разрозненных золотых нитей. От погребальной одежды знатной сарматки сохранилось несколько сот золотых нашивных бляшек разных типов. Она имела золотые украшения, из которых уце-